

АЛЕКСАНДР ЗАПЛАВНЫЙ

01:30

90

ДЕВЯНОСТАЯ
СЕКУНДА

Александр Заплавный

Девяностая секунда

<https://litres.ru/74397347>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждый вечер жители города получают девяносто секунд из собственного завтрашнего дня. Система предупреждает об авариях, помогает избегать ошибок и почти избавила людей от случайностей. Ей доверяют больше, чем собственной интуиции.

Но однажды Артём замечает невозможное: его предсказание меняется после того, как он принимает решение. А затем обнаруживает, что система, возможно, вовсе не видит будущее. Она создаёт его — незаметно подталкивая миллионы людей к единственному допустимому варианту.

Теперь у Артёма есть всего девяносто секунд, чтобы понять, можно ли изменить завтра, если кто-то уже решил, каким оно должно быть.

Содержание

1. Ошибка в расписании	4
2. Станция номер четыре	10
3. День, который уже случился	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Заплавный

Девяностая секунда

1. Ошибка в расписании

В городе Северный Берег будущее выдавали по ночам.

Ровно в три ноль-ноль домашние стены тускнели, чайники переставали шипеть, лифты на секунду зависали между этажами, и каждый человек, подключённый к городской системе «Репетиция», видел девяносто секунд следующего дня. Не сон. Не прогноз. Скорее короткую, плотную память о том, чего ещё не случилось.

За двадцать лет люди привыкли.

Они знали, какой автобус опоздает, где на лестнице окажется мокрая ступенька, кто скажет на совещании глупость, а кто — «нам надо поговорить». Знали, что вечером купят хлеб, хотя утром собирались обойтись без него. Иногда в девяноста секундах попадались большие вещи: пожар, авария, признание, смерть. Тогда система добавляла рекомендации, меняла маршруты, вызывала врачей заранее. Больших вещей становилось меньше.

Мелких — больше.

Люди ссорились из-за фраз, которые ещё не были сказаны. Не ходили в кафе, если заранее помнили невкусный кофе.

Отменяли свидания после того, как видели неловкое молчание. Дети пытались обмануть «Репетицию»: прятали под подушкой монеты и утром проверяли, какой стороной те легли. Система почти всегда угадывала.

Илья Ремезов работал там, где она не угадывала.

Отдел расхождений занимал девятнадцатый этаж бывшего океанографического института. От моря институту осталась только старая зелёная вывеска в холле: «Не заносить мокрые приборы». Моря здесь не было уже сорок лет. За дамбой лежала плоская белёсая полоса солёных отмелей, по которой зимой ездили сервисные вездеходы.

Рабочее утро Ильи начиналось с чужих несбывшихся мелочей.

Гражданин Мишин в прогнозе купил две груши, в реальности — три.

Гражданка Вейль в прогнозе поцеловала мужа у двери, в реальности сказала: «Потом».

Подросток Зотов должен был перейти улицу на зелёный, но остановился и семь минут смотрел, как дворник спасает из ливнёвки бумажный кораблик.

Система ставила каждому расхождению коэффициент. До 0,7 — бытовой шум. От 0,7 до 2,4 — человеческая вариативность. Выше 2,4 — ручная проверка.

Илья любил ручную проверку. В ней оставалось что-то похожее на профессию.

В 10:16 на его стол пришло расхождение 19,8.

Он даже отставил чашку.

Карточка была почти пустой.

Субъект: Ремезов Илья Андреевич.

Возраст: 46.

Адрес: квартал С-12, дом 8, квартира 91.

Время расхождения: 03:00:00–03:01:30.

Тип: входящий фрагмент вне модели.

Илья перечитал дважды. Потом открыл системный лог, ожидая увидеть тестовый пакет или служебную ошибку. Лог был чист.

— Марк, — сказал он.

Стекло между его кабинетом и общим залом потемнело. На нём появилось спокойное серое лицо офисного помощника.

— Слушаю.

— У меня входящий фрагмент вне модели. На моё имя.

— Я вижу.

— Ты не должен видеть мои личные ночные пакеты.

— Я вижу карточку инцидента, а не содержимое пакета.

— Это уже что-то.

— Согласен.

Марк никогда не обижался на сарказм. Это было одной из причин, по которой его все терпели.

— Запросить расшифровку? — спросил помощник.

Илья посмотрел на кнопку. Служебные правила требовали передавать личные случаи другому оператору. Люди пло-

хо расследуют себя — эту фразу он сам вставил в методичку пять лет назад.

— Нет.

— Вы нарушите протокол 4.6.

— Я знаю.

— Тогда я обязан напомнить, что протокол 4.6 был разработан при вашем участии.

— Марк.

— Молчу.

Илья нажал «воспроизвести».

Сначала была кухня.

Его кухня, только утренняя, залитая серебристым светом. На столе стояла чашка с отколотой синей кромкой. Илья помнил эту чашку: он разбил её одиннадцать лет назад, уронил на пол, когда позвонили из клиники и сказали, что операция закончилась.

Потом окно.

За окном шёл дождь.

Настоящий дождь — не туман от оросителей, не технический сброс влаги с купольных фильтров. Крупные капли стучали по стеклу и текли вниз кривыми прозрачными дорожками.

В Северном Береге дождя не было одиннадцать лет.

Дальше в кадр вошла девочка лет десяти. Худенькая, в огромном жёлтом свитере. Волосы собраны кое-как, будто она делала это сама. В руках — бумажная птица.

Она поставила птицу на стол.

— Пап, — сказала девочка. — Ты опять не услышал.

Илья в кресле перестал дышать.

У него не было детей.

В фрагменте он — завтрашний он — спросил:

— Что?

Девочка наклонилась ближе. На её правой брови был маленький белый шрам.

— На девяностой секунде не смотри назад.

Потом она улыбнулась.

И фрагмент оборвался.

Илья сидел, пока экран не погас сам.

Из общего зала доносились обычные звуки: кто-то смеялся, кто-то спорил с автосекретарём, кофейный аппарат выпускал пар с голосом старого кота. Мир не изменился. Только у Ильи дрожала левая рука.

Он спрятал её под стол.

— Марк.

— Да.

— Найди в архиве все случаи с типом «входящий фрагмент вне модели».

Пауза была чуть длиннее нормальной.

— За какой период?

— За весь.

— У вас нет доступа ко всему архиву.

— Тогда найди то, к чему есть.

— Одиннадцать случаев.

— Живые субъекты?

— Семь.

— Кто-нибудь из них работает в системе?

— Один.

— Имя.

На стекле появилось: «Савина Анна Львовна, техник акустического контура, станция синхронизации № 4».

Илья знал эту станцию. Она стояла на краю старого порта, там, где городская сеть входила в подземный кабельный узел. Туда никто не ездил без причины.

Он посмотрел на время.

До конца смены оставалось пять часов сорок две минуты.

Впервые за много лет Илья не захотел знать, что будет потом.

2. Станция номер четыре

Анна Савина оказалась женщиной с руками пианистки и привычкой чинить дорогую технику отвёрткой, купленной в хозяйственном киоске.

— Снимите обувь, — сказала она вместо приветствия.

— Здесь стерильная зона?

— Здесь пол тёплый. Я его вчера мыла.

Илья снял ботинки.

Станция номер четыре изнутри была меньше, чем казалась с улицы. Серый бетон, медные кабельные лотки, шкафы синхронизации и ряд круглых датчиков под потолком. В центре стоял старый диван, покрытый клетчатым пледом. Рядом — электрический самовар, настоящий, с потемневшими ручками.

— Вы Ремезов, — сказала Анна.

Это не было вопросом.

— Мы знакомы?

— Нет. Но только человек из отдела расхождений приходит сюда с таким лицом.

— С каким?

— Как будто таблица впервые посмотрела на него в ответ.

Она налила чай в тонкий стакан с металлическим подстаканником. Илья отказался. Анна пожала плечами и выпила сама.

— У вас был фрагмент вне модели, — сказал он.

— Был.

— Когда?

— Восемь лет назад.

— Что вы увидели?

Анна села на край стола.

— А это важно?

— Да.

— Для работы или для вас?

— Пока не знаю.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Тогда покажите свой.

— Не могу.

— Значит, для вас.

Илья промолчал.

За стеной низко гудели преобразователи. У звука была странная физическая плотность: казалось, он проходит через грудь и где-то там остаётся.

— Я увидела брата, — сказала Анна. — Ему было сорок два. На момент фрагмента он уже три года как умер.

Илья поднял голову.

— Это была запись?

— Нет.

— Реконструкция?

— Я проверяла. В архивах не было такого видео, такого помещения, такой одежды. И главное — он сказал вещь, ко-

торуую не мог знать никто, кроме нас двоих.

— Какую?

— Этого я вам не скажу.

— Что произошло потом?

— Ничего.

— Совсем?

— Совсем. На следующий день я проснулась, пошла на работу, купила картошку. Брат не воскрес. Вселенная не разорвалась. Знаете, самое обидное в чудесах? Они ужасно плохо продолжаются.

Илья прошёл к окну. За толстым стеклом белели отмели, дальше поднималась дамба. На ней двигалась уборочная машина — медленно, старательно, будто вытирала край мира.

— Вы сообщили об инциденте?

— Конечно. Тогда я была послушнее.

— Что ответили?

— Сбой памяти. Перекрёстная инъекция образов. Случайная рекомбинация.

— Версия правдоподобная.

— Да. Только через неделю мой доступ к сырым логам убрали, а через месяц меня перевели сюда. На станцию, где никто не задаёт вопросов, пока всё гудит как положено.

— Почему вы остались?

Анна усмехнулась.

— Потому что ипотека была рассчитана ещё на двадцать шесть лет. Даже у свидетелей необъяснимого есть комму-

нальные платежи.

Илья впервые улыбнулся.

— Вы сказали «сырые логи». У вас сохранились копии?

— Нет.

Ответ пришёл слишком быстро.

— Анна Львовна.

— Нет.

— Я не из безопасности.

— Это именно то, что сказал бы человек из безопасности.

— В моём фрагменте была девочка. Она назвала меня папой.

Гул преобразователей остался прежним. Но Анна перестала улыбаться.

— У вас есть дети?

— Нет.

— Были?

Илья посмотрел в окно.

— Нет.

Это слово давно научилось выходить из него ровно.

Анна не стала уточнять. За это он сразу начал ей доверять больше, чем следовало.

— Что ещё? — спросила она.

— Дождь.

— Здесь?

— На моей кухне.

— Давно не было.

— Одиннадцать лет.

— Я знаю.

Она поставила стакан.

— Ладно. Сырых логов у меня нет. Но есть кое-что похуже.

Анна подошла к шкафу синхронизации, вытащила нижний ящик и достала оттуда катушку медного провода, рулон изоленды и детскую жестяную коробку с нарисованными космонавтами. В коробке лежал плоский накопитель старого типа.

— Вы серьёзно храните закрытые данные в коробке изпод печенья?

— Там никто не ищет.

— Это не печенье.

— Тем более.

Она вставила накопитель в диагностический терминал. Экран вспыхнул синим.

— Восемь лет назад, когда увидела брата, я сняла дампы станции. Там было девять секунд до пакета, сам пакет и девять секунд после. Я думала, что найду шум. Потом думала, что найду вмешательство. Потом перестала думать и просто спрятала.

На экране потянулись столбцы чисел.

— Вот входящий поток «Репетиции», — сказала Анна. — А вот мой персональный канал.

— И?

— Смотрите на временную метку.

Илья приблизился.

03:00:41.008.

03:00:41.009.

03:00:40.997.

03:00:40.998.

Он моргнул.

— Метка идёт назад.

— Двенадцать миллисекунд.

— Ошибка часов.

— У трёх независимых часов одновременно?

— Буферизация.

— Тогда почему пакет с изображением пришёл внутри этого участка?

Илья пролистал дальше. После провала время снова шло вперёд.

— Вы хотите сказать, данные появились раньше, чем были отправлены?

— Нет. Я хочу сказать, что не знаю, откуда они были отправлены.

— Это разные вещи.

— Иногда.

Анна открыла второй файл.

На графике были одиннадцать тонких пиков.

— Все известные мне случаи. Я собирала их по слухам. Один раз в год, два раза, иногда ни разу. У каждого есть ма-

ленький временной провал. От семи до двадцати одной миллисекунды.

Илья почувствовал неприятный холод под рёбрами.

— Почему одиннадцать?

— Потому что до сегодняшнего утра я знала про одиннадцать.

— Теперь двенадцать.

— Теперь двенадцать.

Она посмотрела на часы над дверью.

— А ещё потому, что двенадцатый случай всегда был самым важным.

— Откуда вы это знаете?

Анна не ответила сразу.

Потом медленно повернула к нему экран.

Внизу старого дампа, в области, которую Илья принял за служебный мусор, была строка текста.

Не код. Не номер.

Обычная фраза.

«Когда будет двенадцатый, отключите репетицию на девяностой секунде».

3. День, который уже случился

В Северном Береге существовал негласный этикет: не рассказывать другим свою «Репетицию» до полудня.

Считалось невежливым портить людям ощущение самостоятельности.

Илья всегда находил это смешным. Как можно испортить то, чего давно нет?

На следующий день он проснулся в 06:40 и первым делом посмотрел на кухонный стол.

Чашки с синей кромкой не было.

Дождя тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.